

УДК 141.32:17.022.1

ТЕЛО КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЦЕННОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

© 2012 г.

Д.Н. Бухаров

Байкальский госуниверситет экономики и права, Иркутск

buharov_den@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.12

Утверждается наличие непосредственной связи между приоритетной ценностью человека и его идентичностью. В качестве приоритетной ценности автор берет человеческую самость (взятую в аспекте тела) и исследует влияние данной установки на утверждение на идентичность человека. Идентичность человека, формируемая под влиянием данной установки, обозначается автором как «Я-точка». Дается характеристика данного типа идентичности.

Ключевые слова: ценность, самость, тело, идентичность человека, «Я-точка», «оп», существование.

Начнем с констатации того факта, что человек не может жить без ценностей - в жизни каждого присутствует нечто такое, что рассматривается им как самое существенное. Так, С. Кьеркегор, обозначая ценность как предмет серьезности человека, отмечал, что такой предмет присущ каждому человеку – ибо это есть он сам [1, с. 237]. Отсюда ясно, что не будь у человека никакой ценности, в плане субстанциональной значимости не было бы и его самого. Исходя из этого, очевидно, что ценность, будучи, по словам С. Кьеркегора, «самим человеком», является тем единственным, на реализацию и сохранение чего направляется большая часть усилий, действий и времени человека. Другими словами, человек верно служит своей ценности, утверждая ее как в самом себе, так и в окружающем мире. При этом, по словам Г. Марселя, человек, посвящая какой-то ценности свою жизнь, в результате имеет то, что эта ценность освящает его жизнь [2, с. 143]. Из этого следует, что служа своей ценности (осуществляя те или иные действия по отношению к ней), человек способен придать своей жизни определенный вид «освящения», выражающийся в оказании определенного типа влияния ценности на его идентичность.

В данной статье мы ставим перед собой следующие задачи. Во-первых, рассмотреть случай, когда в качестве приоритетной ценности человека выступает его самость. Во-вторых, выявить действия, которые человек склонен совершать для утверждения данной ценности. И, наконец, в-третьих, рассмотреть тип идентичности, формируемый у человека под влия-

нием самости как ценности. Во избежание недоразумений, сразу отметим, что в данном случае самость рассматривается нами не в качестве мистической сущности человека (как, например, это делает Б.П. Вышеславецев), а в качестве представленности человека как налично данного, существующего. Именно в таком смысле данная категория употреблялась А.А. Ухтомским, П.А. Флоренским, Л.П. Карсавиным, Х. Ортегой-и-Гассетом, Э. Мунье, В.В. Библихиным, когда они рассматривали категорию «самоутверждение».

А.А. Ухтомский определяет самоутверждение как формальное настаивание человека на своем пустом существовании, как возвращение к «максимуму жизнесохранения», как борьбу человека лишь «во имя свое, человеческое, во имя удобства, счастья, комфорта» [3, с. 325]. «Самоутверждение» рассматривается в качестве стремления человека достичь как можно более прочного положения в рамках наличного бытия, целью которого в свою очередь является обретение им состояния покоя, отсутствия напряжения или, если использовать фрейдовскую терминологию, состояния гомеостаза, принимаемого за счастье. П.А. Флоренский определяет «самоутверждение» несколько с иной стороны – в качестве «самоупора вне выхождения из себя» [4, с. 160], то есть в качестве желания человека занять как можно более высокое и независимое положение в наличном бытии, которое становится для него возможным вследствие раскрытия его психического потенциала. Таким образом, самоутверждение есть стремление челове-

ка провести утверждение собственной самости по двум альтернативным направлениям: утверждение себя в качестве просто существующего, кровно заинтересованного лишь в самосохранении тела, либо же утверждение себя в качестве влиятельной персоны. Выделение данных направлений становится возможным вследствие различия между двумя производными от самоутверждения установками: на придание приоритета телу по отношению к психике и придание приоритета психике по отношению к телу. Заметим, что данные направления не являются взаимоисключающими. Вопрос здесь заключается только в том, какой смысл в каждом конкретном случае закладывается в категорию «самость».

В данной статье мы рассмотрим утверждение в качестве ценности самости, понимаемой как тело. В его рамках человек стремится достичь завершённого состояния в своем существовании [5, с. 378], которое представляется ему в этом случае вполне достижимым. Данная разновидность существования характеризуется пребыванием человека в состоянии психологического и телесного комфорта, поэтому понятие «комфорт» можно считать ключевым для понимания этого типа самоутверждения, поскольку в нем находят свое отражение все чаяния человека о спокойной и уверенной в завтрашнем дне жизни. Практикуя данную установку, он стремится к максимальному самосохранению, выражаемому в стремлении любой ценой как можно более долго поддерживать свою представленность в качестве тела.

По мнению Э. Фромма, человек, стремясь себя сохранить, тем самым достигает обратного результата, потому как все, что расходуется, не пропадает, и, напротив, исчезает то, что мы пытаемся сохранить [6, с. 131]. В этом проявляется свойство экзистантности подобного человека, которое, согласно Г. Марселю, заключается в том, что такой человек все еще существует, но когда-то перестанет существовать. В силу этого свойства он характеризуется тем, что пребывает в состоянии постоянной тревоги за собственное тело. Эта ориентация на сохранение себя приводит человека к стремлению занять как можно более прочное и безопасное место в рамках наличного бытия. Такой человек уподобляется точке, которая чем более «жирной» является, тем менее подвержена угрозе быть стертой с плоскости. Стремление человека «утвердиться» подобным образом находит свой выход в его ориентации на создание условий жизни. Такая ориентация выражается либо в желании приспособить среду под себя [3, с. 412] с тем, что-

бы испытывать как можно меньше беспокойства, либо в стремлении отгородить себя от остального такого небезопасного мира и в этом маленьком отгороженном мирке обрести вожделенный покой и «счастье». Однако, как отмечал А.А. Ухтомский, именно пребывание человека в состоянии подобного «счастья» очень часто оборачивается каменной стеной, встающей между человеком и остальным миром [3, с. 377], в результате возведения которой в последующем становится возможным даже противопоставление человеком себя миру: «Надо понять, что же такое – груз существования, как существование отделяется от жизни и стремится противопоставить себя ей. Здесь возникает идея своего рода оборонительной арматуры, создаваемой вокруг некоторых наслаждений, к которым очень привязаны...» [2, с. 167]. Другими словами, в случае самоутверждения данного типа оказывается, что целый мир существует только для того, чтобы человек смог «устроить себе вполне безответственно маленький комфорт, маленькие развлечения, маленькие интрижки и забавы» [3, с. 406], ими в итоге и исчерпаются все возможности, которыми человек обладает, пребывая в налично данном мире. Из сказанного можно сделать вывод, что, осуществляя установку на самоутверждение, человек незаметно для самого себя становится рабом, ограниченным своей самостью. Это рабство проявляется в том, что он, сделав самость своей ценностью, занимает по отношению к ней подчиненное положение и тем самым становится чрезвычайно от нее зависим.

Ориентация человека на самосохранение приводит к тому, что у него формируется определенный тип идентичности. Выше мы уже проводили аналогию между самоутверждающимся человеком и проставленной на плоскости точкой, и делали это не случайно. В целом тип идентичности, формируемой под влиянием данной установки, мы можем обозначить как «Я-точка» Используя образное сравнение с точкой, дадим характеристику данного типа идентичности человека.

Человек типа «Я-точка» частично уже получил свою характеристику в трудах таких философов, как С. Кьеркегор (концепция «человека непосредственности»), Н.А. Бердяев (человека-индивидуума), Г. Марсель (человека-индивида), М. Бубер («особенного себе довлеющего»), А.А. Ухтомский («Двойника»), М. Хайдеггер (das Man), Х. Ортега-и-Гассет (человека-массы). Высказывания данных философов в связи с их концепциями в полной мере относятся к рас-

смаатриваемому нами человеку типа «Я-точка». Отталкиваясь от них и дополняя их своими соображениями на данный счет, постараемся дать как можно более исчерпывающее описание человека типа «Я-точка».

Идентичность человека типа «Я-точка» имеет такое обозначение в силу того, что человек, носитель подобного «Я», образно может быть представлен в виде точки или «пылинки» [7, с. 92]. Масштаб такого человека чрезвычайно незначителен, поскольку на фоне бесконечно большого числа подобных ему, он выглядит лишь незначительным атомом мироздания. С пылинкой его также роднит то, что он подобно последней готов сорваться с занимаемого им места при малейшем «дуновении ветра»: это свидетельствует о неукорененности человека, а также о случайности занимаемого им положения. Ведь человек становится укорененным в бытии благодаря способности ответить на вопрос «зачем?». Именно осознание человеком смысла собственного существования и реализация на данной основе его уникального призвания делают его укорененным в бытии. Человек типа «Я-точка» не только не знает ответов на данные вопросы, но и вообще ими не задается, поэтому и вынужден со всей остротой ощущать собственную случайность.

Оставив аналогию, проводимую между человеком и пылинкой, вернемся к его сравнению с точкой, которая характеризуется тем, что пребывает с плоскостью в более тесных взаимоотношениях. Состояние, в котором находится точка, есть не что иное, как ее прикованность и статичность. Точка прикована к своему положению так же, как человек прикован к своему телу и всему, что с ним связано. Со временем точка способна становиться больше или меньше, что говорит об упрочнении или об ослаблении ее положения, но своего местоположения она никогда не меняет. Точка не способна изменить его, поскольку изменение ею своего положения равнозначно или переходу в иное качество, возможность которого она за собой отрицает, или ее полному исчезновению. В полной мере это может быть отнесено к человеку типа «Я-точка», который изо всех сил цепляется за ту «плоскость», на поверхности которой пребывает, тем самым признавая себя полностью зависимым от нее. Вцепившись же в статичную «плоскость», он и сам становится статичным, поработавшись плоскостью в своем сознании. Таким образом, это не плоскость удерживает человека, а, напротив, человек не желает с ней расстаться. Отсюда ясно, что человек потому и раб «плоскости», что сам ставит себя в подобное положение.

По словам Н.А. Бердяева, индивидуум, признавая над собой власть плоскости, становится в высшей степени детерминирован ее законами. Другими словами, законы борьбы за существование и естественного отбора признаются подобным человеком в качестве высших законов реальности. Отсюда, рассматривая других людей как конкурентов в борьбе за лучшее место и положение, такой человек живет по принципу «выживает сильнейший». Однако установка на жизнь по таким правилам отрицает межличностные отношения, оставляя место только скудному существованию в плоскости одного «Я». Таким образом, можно выделить следующие особенности человека типа «Я-точка». Во-первых, целью пребывания человека данного типа является «существование» – его пребывание в качестве «существа». «Существо» же кроме как физиологически и психологически никак больше себя не проявляет – в этом его особенность. Во-вторых, в силу данной (в первую очередь душевной) скудости человек типа «Я-точка» оказывается скуп на самовыражение. В силу внутренней пустоты такому человеку просто нечего выражать вовне, поэтому его «лицо» не выражает ничего, кроме отсутствия внутреннего движения: оно подобно лицу спящего или находящегося без сознания. Подобное сравнение выглядит уместным также в силу того, что человек подобного типа по отношению к самой возможности обрести иную идентичность находится в состоянии, очень похожем на сон, и в этом проявляется его стремление забыться (забыть себя).

Точка проставлена на плоскости, поверхностью которой ограничивается ее (точки) глубина. Человек подобного типа также может быть охарактеризован наличием у него свойства «поверхностности», которое проявляет себя в двух аспектах. Во-первых, поверхностность человека типа «Я-точка» проявляется в том, что он не стремится достичь прочности своего положения путем глубокого постижения сущности бытия, а именно: путем вставания в бытие своими корнями, в качестве которых образно может быть представлено его сознание, и так достичь понимания жизни. Напротив он, подобно чернильному пятну, стремится как можно шире расползтись по плоскости и тем самым как можно более громко заявить о собственном праве на существование. В связи с устойчивостью положения «Я-точки» стоит отметить также то, что оно достигается им опосредованно, то есть при помощи различных вспомогательных средств, выступающих в качестве своего рода внешних подпорок. Будучи же сам по себе, он подобной

устойчивостью не обладает, поскольку, как уже отмечалось, неукоренен. Во-вторых, подобный человек поверхностен в плане осознания и познания себя. Так, по выражению С. Кьеркегора, человек этого типа («человек непосредственности») «буквально знает себя лишь по платью; он не узнает своего Я <...> иначе как сообразно своей жизни» [1, с. 287]. В этом «человек непосредственности» очень схож с «довлеющим себе особенным» М. Бубера: «Довлеющее себе особенное сознает себя самое как Так-и-не-иначе-существующее» [8, с. 52].

Точка всегда есть точка, поэтому только она способна отвечать требованию, выдвинутому рационалистической философией, что для удостоверения тождества чего бы то ни было, и человека в частности, необходимо обладать критерием, благодаря которому объект в разные временные промежутки мог быть идентифицирован как один и тот же, то есть чтобы при любых обстоятельствах выполнялось тождество «Я=Я». Отсюда, человек подобного типа также способен оставаться относительно неизменным и в силу этого может быть охарактеризован постоянным набором своих внешних признаков. Его неизменность своим следствием имеет то, что он становится воплощением консервативности, а поэтому отрицает саму возможность изменения как за самим собой, так и за окружающим и окружающими. Однако его консервативность остается лишь на уровне формы, дальше которой он не видит. Содержание чего бы то ни было остается для него неразличимым, поэтому оно может быть легко заменено чем угодно другим, и эта проблема в первую очередь касается ценностей общества.

Точка как капля воды похожа на другие точки, поэтому человек подобного типа может считаться тем, что С. Кьеркегор обозначал как «еще одно повторение вечного нуля» [1, с. 270]. Единственное, чем точка отличается от других точек, – ее положение на плоскости, в качестве которого в случае с человеком способна выступать социальная иерархия: «...ибо самое различие точек как точек пространства возможно только на фоне этого пространства, а если бы мы в самом деле взяли их, не имеющих никаких количественных различий и отличающихся друг от друга только положением в пространстве, вне пространства, то они перестали бы различаться между собой и необходимо слились бы, ибо пространство именно есть их *principium individuationis*» [9, с. 578]. Другими словами, точка, являясь лишь «одной из», не способна быть «единственной», то есть не способна обладать ни индивидуальностью,

ни уникальностью, а потому она безлика. Безликость ее обусловлена в первую очередь тем, что она никоим образом себя не проявляет и потому закрыта от Другого, непрозрачна для его взгляда. Из-за этого не всегда остается понятным, есть ли в ней хоть какое-нибудь содержание. Очень велики подозрения, что этого содержания в ней нет вовсе и что она, действительно, есть ноль. Отсутствие содержания у человека подобного типа проявляется в том, что он невыносимо скучен [1, с. 222]. Его скука как состояние, переживаемое лично им, и его скучность как состояние, переживаемое при соприкосновении с ним Другого, могут быть определены как отсутствие в нем проявлений внутренней жизни. Отметим, что несмотря на то что внутренняя жизнь покинула его, человек типа «Я-точка» внешне проявляет все признаки жизни. Выражается это в первую очередь в его довольно кипучей деятельности. Однако Э. Фромм в свое время развенчал подобное положение о том, что внешняя и внутренняя активность человека каким-то образом сочетаются друг с другом. По его словам, внешняя активность вполне может сопровождаться полной внутренней пассивностью, что мы в случае с человеком «Я-точка» и наблюдаем. Эта идея находит свое подтверждение и в работах М. Бубера, который при рассмотрении «довлеющего себе особенного» отмечал, что оно обладает таким свойством, как функциональность. Это выражается в том, что человек такого типа способен быть очень эффективным в приобретении и использовании всего, с чем бы он ни соприкоснулся. Однако сколь угодно много он бы себе ни присвоил, отмечает М. Бубер, из этого, однако же, не выйдет его субстанции: «Всё его расширившееся и многообразное определенное бытие, вся его рачительная «индивидуальность» не смогут ему помочь обрести субстанцию» [8, с. 52]. Отсюда вытекает следующая особенность человека типа «Я-точка»: оно безыядерно, у него нет сердцевин, оно пусто и характеризуется лишь наличием внешней оболочки, то есть, по словам Е.Н. Трубецкого, является пустым, бессамостным призраком [10, с. 104]. Отсюда следует, что подобного человека роднит с точкой то, что та, как и он, есть фикция, поскольку никогда до конца не понятно, существуют ли они на самом деле или их нет. Совершенно оправдана выходящая характеристика П.А. Флоренским точки как «тела на границе своего уничтожения» [9, с. 576].

На наш взгляд, именно экзистантностью человека подобного типа обуславливается его

пребывание в уже упомянутом нами состоянии закрытости. Ведь в силу того, что точка в чрезвычайной степени обеспокоена собственным существованием, она изо всех сил стремится сохранить себя представленной именно в данном качестве. Подобное стремление проявляет себя в том, что она, с одной стороны, боится раствориться, потерять себя в Другом, с другой стороны, боится того, что их взаимодействие приведет к ее исчезновению с лица плоскости. Человек подобного типа всеми средствами стремится держать Другого на расстоянии.

По словам М. Бубера, «довлеющее себе особенное» способно проявить себя, только дистанцируясь, «отделяясь от других довлеющих себе особей» [8, с. 51]. В этом состоит суть существования человека типа «Я-точка», изо всех сил стремящегося подчеркнуть свою особость, в силу которой он склонен рассматривать себя стоящим особняком от всего окружающего.

Человек типа «Я-точка» в силу своей обособленности от других «точек» не способен чувствовать и понимать других, и поэтому он безответственен по отношению к занимаемому им «положению». Другими словами, он не осознает своей связанности с миром, полагая, что в его существовании состоит исключительно его заслуга, в силу которой он имеет полное право пользоваться выгодами предоставленного ему положения. Кроме того, обособленность человека такого типа может быть рассмотрена в качестве проведенной им границы между собой и Другим, что является основой для его «ограниченности», понимаемой как в переносном, так и в прямом смысле. В результате этого, по словам Н.А. Бердяева, широкое распространение имеет то, что «люди ограниченного опыта гордятся своей ограниченностью и возводят эту ограниченность в норму» [11, с. 46], то есть вводят обособленность в качестве естественного состояния человека, благодаря которому, по их словам, человек способен стать поистине свободным. Однако, как мы уже показали, обособляясь от окружающего и через это стремясь проявить свою свободу, человек типа «Я-точка» тем самым обретает лишь рабство. Такое рабство проявляется в том, что человек оказывается замкнутым в своих внутренних состояниях и переживаниях, вырваться из которых самостоятельно он не в состоянии.

Склонность рассматривать себя в качестве независимого и обособленного существа, как известно, называется «индивидуализмом», проблема которого была достаточно подробно разработана Н.А. Бердяевым и Э. Мунье, которые

не только проводили четкое различие между ним и индивидуальностью (человеческой уникальностью), но даже противопоставляли их друг другу. Так, согласно Н.А. Бердяеву, индивидуализм в крайней своей форме стремится отождествить индивидуальность человека с миром и затем отвергнуть весь мир вне этой «раздутой человеческой индивидуальности» [11, с. 71]. Другими словами, человек типа «Я-точка» желал бы «втянуть мир в орбиту» своих интересов и тем самым использовать его по максимуму для удовлетворения своих всевозрастающих потребностей, буквально «съесть» и «переварить» его. Иначе говоря, самым образом своих действий человек такого типа может быть представлен как черная дыра, всегда все поглощающая и никогда ничего не отдающая. Такого рода человека, согласно М. Буберу, особенно занимает его «Мое», то, что тем или иным образом с ним связано или напрямую ему принадлежит. При этом это «Мое» является своего рода продолжением его «Я», по которому также возможно судить о нем. Все, что не входит в состав «Я» и «Мое», таким человеком либо просто отрицается, либо же он старается закрыть на это глаза как на несуществующее: в этом случае человек типа «Я-точка» выступает как «Я и точка». В силу такой позиции человек подобного типа склонен рассматривать себя в качестве центра мироздания – этаким точки тяготения, в которой якобы нуждаются и к которой должны быть устремлены все остальные точки. Из-за видения себя подобным образом он оказывается полностью сконцентрирован на самом себе, а именно склонен сводить всю среду, весь мир к единственной точке реальности, в качестве которой выступает он сам, а свои представления о себе и окружающем, в отличие от представлений других, считать наиболее близкими к истине. Кроме того, подобная концентрация человека на себе как на своего рода образце человечества выражается в том, что он считает свою текущую идентичность истинной, то есть рассматривает себя как уже готовое произведение.

Несмотря на то что человек типа «Я-точка» рассматривает себя как нечто, содержанием чего исчерпывается содержание всего мира, согласно С. Кьеркегору, он является «всего лишь еще одним явлением, еще одной деталью в необъятности временного, всего лишь составной частью остального материального мира» [1, с. 285]. Это положение практически полностью совпадает с рассмотрением Н.А. Бердяевым «индивидуума»: «Индивидуум есть неделимое в отношении к какому-то целому, атом. Он не только может быть частью рода или общества,

как и космоса в целом, но он непременно мыслится, как часть целого» [11, с. 186] В случае с человеком типа «Я-точка» этот момент может быть представлен как его полнейшая принадлежность плоскости, благодаря чему он есть не что иное, как одна из ее частей. Мало того, плоскость в данном случае способна проникнуть в глубину человека, тем самым стремясь уподобить его себе, сделать его таким же «плоским» и «одномерным» - распяты его на плоскости подобно тому, как это бывает с подопытной лягушкой, лишить его внутреннего содержания и тем самым духовно умертвить. Рассмотрение данного процесса как уподобления обусловлено тем, что, согласно П.А. Флоренскому, через подобие можно охарактеризовать вещь, но не человека: в данном случае имеет место попытка загнать человека в рамки подобия, то есть попытка овеществить его.

Проникновение в человека плоскости может быть рассмотрено, как проникновение в него того, что Х. Ортега-и-Гассет и Г. Марсель обозначали как *оп* и характеризовали следующим образом. Во-первых, *оп* неопределенно и неопределимо, то есть безлико. Во-вторых, оно безымянно. В-третьих, *оп* кажется полюсом любого избегания, всяческого уклонения: оно избегает занимать твердую позицию, выразимую в словах или-или. Любые попытки заставить его ответить на вопрос «кто?» заканчиваются тем, что *оп* уходит от ответа. В-четвертых, оно безответственно, поскольку его невозможно поймать на одном месте: вот оно есть, и его уже нет. В-пятых, оно не имеет собственного голоса, поэтому выражаться оно способно только через находящегося в ее власти человека, который в результате этого теряет собственный «голос» и говорит только то, что ему диктует *оп*. Проникая в человека *оп* уподобляет его себе, поэтому вышеперечисленные свойства *оп* могут быть смело отнесены к человеку типа «Я-точка». Но главное, что хотелось бы выделить, – это то, что безличность *оп*, проникая в человека, делает его также безликим и неидентифицируемым, в результате чего его идентичность оказывается трудно схватываемой. Ведь, как справедливо отмечал Г. Марсель, в данном случае между *оп* вкладывающим и *оп* вложенным сложно найти место для личности [7, с. 89]. Кроме того, уподоблением человека плоскости можно объяснить и пассивность подобного человека, взятую в ее внешнем и внутреннем аспекте. Это подтверждается С. Кьеркегором, отмечавшим, что «Я» подобного человека всегда остается пассивным: «...даже если это Я желает, оно

всегда остается как бы в дательном падеже, как если бы ребенок говорил: "мне хочется"» [1, с. 285]. Только состояние «голода» и обзор средств его удовлетворения способны оживить взор и привести в движение подобного человека. Таким образом, только благодаря внешнему стимулированию для человека типа «Я-точка» становится возможным преодоление его внутренней инертности. Отсюда его потребность в различного рода внешнем воздействии, которое можно обозначить одним словом как «щекотка»: потребность в юморе, в острых ощущениях (переживаниях состояния «безопасного», контролируемого, не угрожающего жизни страха), в различного рода возбуждении (сексуальном, наркотическом и т. д.). Внутренних источников для прорыва пассивности у него просто нет. Именно по отношению к такому человеку является эффективным употребление таких средств воздействия, как «кнут и пряник», «хлеб и зрелища». Таким образом, можно сделать важный вывод: человек типа «Я-точка» приводится к жизни извне, а не изнутри. Живет он по большей части внешним, поэтому здесь, во внешнем, и пытается найти себя.

Исходя из сказанного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, человек, сконцентрированный на заботе о собственном самости, закрывает себя от других имеющихся у него возможностей, среди которых главной является его способность озаботиться чем-то помимо своих непосредственных интересов. Во-вторых, утверждение человеком самости в качестве высшей ценности приводит к утере его значимости в целом. И, наконец, в-третьих, стремясь сохранить себя в качестве тела, он утрачивает себя в качестве возможного существа – существа, способного на раскрытие в себе потенций, отличных от данных ему в качестве природного существа.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

Список литературы

1. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998. 384 с.
2. Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 328 с.
3. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
4. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с.

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
6. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-Пресс, 2004. 384 с.
7. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. 224 с.
8. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М., 1995. С. 15-92.
9. Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / Сост., общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. 877 с.
10. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
11. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Флинта, 1999. 312 с.

BODY AS PRIORITY VALUE AND ITS INFLUENCE ON HUMAN IDENTITY

D.N. Buharov

The article argues a direct relationship that takes place between the priority value of the person and his identity. The author takes up the human self (taken in the aspect of the body) as a priority value and explores its impact on the identity of the person. The identity of the person, formed under the influence of this value, is designated by the author as "I-point" identity. There is a specification of this type of human identity in the article.

Keywords: value, the self, the body, the human identity, "I-point» identity, "on", existence.